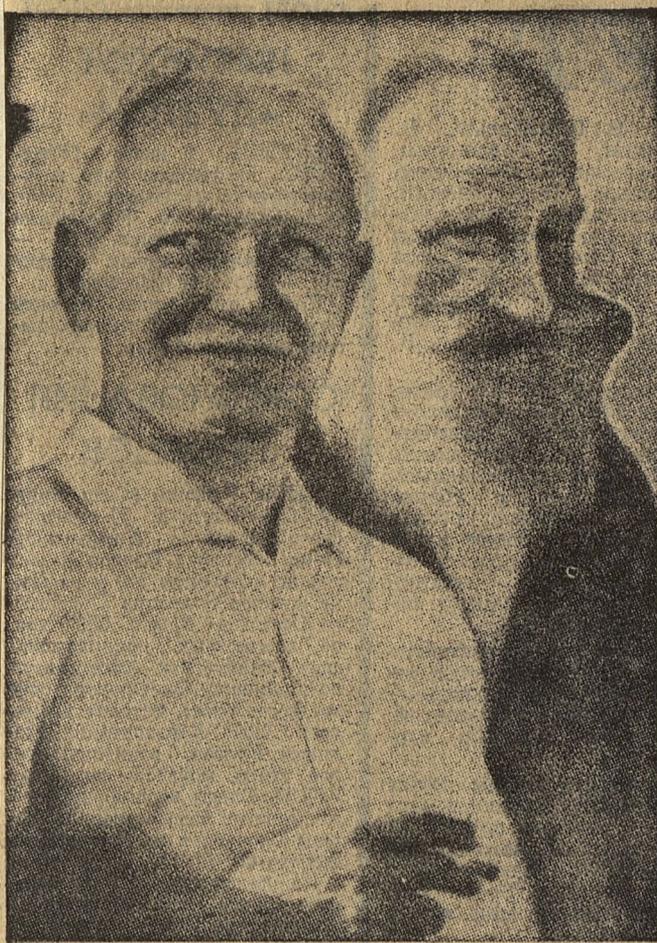

8 июня 1980 г.

Иосиф
ДАНИЛОВ

ДОНСКОЙ ЧАБОР

Из блокнота
писателя

В ДОНСКИХ неотглядных степях, а чаще в лугах, на вечно седых солончаках, на супесях, где почти ничего не произрастает, живет приземистая, с жестковатым листом трава — чабор. Растет она почти всегда на высоких, продуваемых всеми ветрами местах — на курганах и песчаных бурунах...

Чабор не живет в одиночку, он селится кустисто, сплетаясь корень с корнем, образует целые кулиги, и в ясные дни июня, когда он зацветает, эти островки издали кажутся в разное время суток то лазоревым небом, то неподвижными свинцово-сизыми тучами, то померещатся в знойной степи синеватым озерком.

Не заметить этой травы невозможно даже человеку нелюбопытному. И не только из-за его сиреневого цвета — мало ли цветов куда ярче в эту пору! Неповторимый аромат чабора, именно аромат, а не запах. Идешь по знойной, однообразно сизой степи, и вдруг пахнет на тебя горьковато-удушливым медом — и ты вмиг поймешь: зацвел чабор! И как бы и куда бы ты не спешил, обязательно остановишься и с затомившимся сердцем начнешь искать в этой окрестности сиреневые кулиги. И тут же увидишь его негромкое сияние, и подойдешь к нему негорюшко, как к святому месту. Да так оно и есть: на Дону чаборец исстари считается травой, обладающей чудодей-

ственной силой. Его и называют у нас богородицкой травой. И поныне в старье праздники домовитые хозяйки устилают чисто выскобленные полы чабором.

Много красивых и мудрых легенд сложил о чаборе народ. В одной из них рассказывается о том, как запахом чабора был вызволен из «любвиной неволи» покинувший родину казак. В другой повествуют, как казак своей возлюбленной, ослепленной лиходейской порчей, возвращает зрение, положив на ее глаза лучок этой травы, окропленной собственной кровью.

Эти легенды вспомнились мне в эти вот дни, когда мир отмечает 75-летие великого Шолохова.

И еще мне подумалось, что человек этот сам уже давным-давно стал легендой. На своей родине, в станице Скуришенской, в других донских, хоперских и медведицких хуторах мне часто приходилось слушать рассказы, были и очевидные легенды о самом Михаиле Александровиче и о героях его книги Григории Мелникове и Агасьне, о Щукаре...

На днях я полистал свои старые записные книжки и нашел там живые предания, говорящие прежде всего о великой, непреходящей любви народа к Михаилу Александровичу Шолохову, к его бессмертным героям.

«А то не праздник разве!»

В пору моей юности, когда я заведовал в Скуришенской станице сельским клубом, жил у нас вроде ничем не приметный казачишка Егор Иванович Попов. Отличался он разве тем, что раз в году, на Октябрьские праздники, появлялся у сельсоветской трибуны в полной казачьей форме: в мундире, в голубых штанах с красными лампасами. Стоял среди скуришан молча, молча слушал речи с деревянной трибуны и незаметно исчезал.

И вот однажды летним вечером он вошел в клубный коридорчик, где продавались билеты, в этой самой казачьей форме.

«Что это с ним? — удивился я. — И возле клуба-то его никто никогда не видал». И, отрывая ему билет, не удержавшись, спросил, не без усмешки кивнув на лампасы:

— Егор Иванович, нынче праздник, что ли?

— А то разве не праздник! — отозвался он и дернул подбородком поверх моей головы, где висела афиша. — Про нас будут показывать!..

В этот вечер шел фильм «Тихий Дон», только что появившийся на экранах...

Живой ли Андрюша?

Начался январь. Был он какой-то гнилой, слякотный, дороги развезло. Особенно в нашей глубинке.

В эту пору по делам районной газеты, а заодно и проведать родителей, добирался я до Скурихи. Только спустился с горы, как тотчас увидел возле почты (она рядом с домом моего отца) толкующую толпу людей. Пока я лез по грязи, два или три

человека оторвались от скопища и вышли на середину дороги, напряженно вглядываясь вдаль, за школу. Потом опять возвратились к почте, и толпа заволновалась, замахала руками.

Когда я приблизился, несколько человек, указав на меня пальцем, с какой-то непонятной радостью бросились ко мне навстречу. Я даже рта не успел открыть, как кто-то выкрикнул:

— Ну, как там Андрюша — живой?

Я оторопело глядел на земляков.

— К-какой Андрюша?

— Ты же из района! — напустились на меня. — Должен уж теперь знать!

— Постойте, чей Андрюша-то? — совсем растерялся я. — Ничего не слышал.

— Ну, да Соколов Андрей! В «Правде» Шолохов про него написал... Мы половину прочли, а дальше нету газетки.

Я облегченно вздохнул.

— Живой, живой Андрей Соколов!

— Ну, слава богу! — перекрестилась старуха и отерла глаза концом клетчатого накидного платка.

— А здесь чего вы все собрались? — спросил я с усмешкой. — Меня что ли дожидались?

— Нужен ты нам! Тря дня же почту не привозили. А нынче на тракторе с утра поехали!..

— А вы, значит, караулите?

— Ну, да как же... Узнать-то надо...

— Живой, — еще раз сказал я, уже понимая их радость.

— Ну можно теперь расходиться, — предложил кто-то.

— А Митрич с Федькой будут теперь до ветряка чесать, — с незлой насмешкой проговорил дед Антон. — И пояснил мне: побежали к ветряку трактор встречать. Раньше всех хотели разузнать. А мы их обьегорили.

И вздохнул облегченно.

«Гольная правда»

В доме моего деда, сугубо набожного человека, было всего две книги одинаковых размеров. Читал он их попеременно — то одну, то другую. Читал медленно, надолго отрываясь от текста, о чем-то думал. В руки он их никому из нас, его многочисленных внуков, не давал и, закончив чтение, прятал на самый верх шкафа-горки, куда дотягиваться нашим рукам было сверх опасно.

Долго я не знал, что это за книги. И лишь парнем, видя, как дед попеременно читает то Библию, то «Тихий Дон», подковырнул его:

— Чудной ты, папашка, всю жизнь одни и те же книжки читаешь. Притом одна из них советская, а другая божественная. Разные ведь вещи!..

— Ну-к, что ж, что разные. — со спокойной усмешкой отозвался дед. — Зато в обеих — гольная правда!..

Самое

памятное

У Константина Иосифовича Недорубова я сидел дотемна. Он рассказывал о том, как получил полный бант Георгиевских крестов, воюя с германцами, как вел свою кавалерию под Кушевку...

— Ну, а что самое памятное было в вашей жизни? — спросил я.

Константин Иосифович на минуту задумался, потом достал из стола какой-то сверток, осторожно развернул его и положил передо мной фотографию:

— Вот!

На снимке Константин Иосифович Недорубов был снят рядом с Михаилом Александровичем Шолоховым.